

Николай Яковлевич Агнивцев

От пудры до грузовика (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2593715

Аннотация

В сборник вошли стихотворения:

1. Снова в Петербурге
2. Мы
3. Грузовик № 1317
4. Трамвай «А»
5. Кепка
6. Кирпичная песенка
7. Мэри Пикфорд
8. Кооп-ларек
9. Моссельпромщица №... (не знаю!)
10. Шпага декабря
11. Семь сестер
12. Триолеты в бензине
13. Воробьиные неприятности

**Николай Яковлевич
Агнивцев
От пудры до
грузовика (сборник)**

1. Снова в Петербурге

Прощайте, немцы, греки, турки,
И здравствуй, русская земля!
В своем я снова Петербурге,
Я снова русский! Снова – «я»!
Еще вчера я был не русским!
И, запахнувшись в черный дым,
Гранитный воздух Петербургский
Еще вчера был не моим!
Сегодня ж, странный и бессонный,
«Брожу по Невской мостовой
И с Александровской Колонной
Взлетевшей чокаюсь мечтой!
И в небо Питера, бледнея,
Уходит беженский угар...
И вновь я рифмою своею —
Целую Невский тротуар!..»

2. Мы

Некие в смокинг одетые атомы,
Праха веков маринованный прах,
Чванно картавят, что, мол, «азиаты мы»,
На европейских своих языках!
Да! Азиаты мы! Крепкое слово!
В матерном гневе все наши слова!
Наши обновы давно уж не новы:
Киев и Новгород! Псков и Москва!
В наших речах – курский свист соловьиный,
Волга и Днепр! Океан и фиорд!
В наших речах – грохот снежной лавины,
Ржанье и топот Батыевых орд!
В наших глазах – золотой щит Олега,
Плеть Иоанна! Курганная тишь!
Мертвенный холод Байкальского снега,
Пламя Москвы и плененный Париж!
Эй, на запятки! Не вам ли завялым
Путь преградить разъярившимся нам?
Или, озлившись, мы хлопнем Уралом
По напомаженным вашим башкам!
В наших плечах – беломорские скалы!
В наших ушах – храп медвежьих берлог!
В наших сердцах – самоцветы Урала!
В нашей груди – древний каменный бог!

3. Грузовик № 1317

1

Весь машинный свой век, каждый день по утрам
Волоча свои старые шины,
По брезгливым гранитным колонным домам
Развозил он шампанские вина!
И глотали в свои погреба-животы
Эти вина по бочкам с присеста
Их раскрытые настежь гранитные рты —
Обожженные жаждой подъезды.
И гудя, и шумя,
И кряхтя, и гремя,
Весь свой век должен был по подъездам таскаться
Грузовик № 1317.

2

Но однажды наутро у этих домов
Были начисто выбиты стекла!
И панель вокруг них вглубь на много шагов
От вина и от крови промокла!

«Эй, подвалы, чья доля лежит издавна
Под любым каблуком на паркете,
Выходите на Невский – ломать времена!
Выходите – шагать по столетьям!»
И гудя, и шумя,
И кряхтя, и гремя,
Покатил за Свободу по улицам драться
Грузовик № 1317.

3

Но открылись фронты! О, услышав сигнал,
Он увесисто и кривобоко
Наступал, отступал и опять наступал
От Варшавы до Владивостока.
И ходил он насупившись – издалека
На Деникинские аксельбанты,
На тачанки Махно, на штыки Колчака
И на хмурые танки Антанты!
И гудя, и шумя,
И кряхтя, и гремя,
Второпях во весь мах по фронтам стал шататься
Грузовик № 1317.

4

На поля неостывших побед из нутра
Отощавшей земли вылез Голод!
И наотмашь схватил от двора до двора
Города и деревни за ворот!
И, шагая по смятой Руси напролом
Уходящими в землю шагами, —
Из Лукошка Поволжья кругом, как зерном, —
Он засеял поля костяками!
И гудя, и шумя,
И кряхтя, и гремя,
С воблой тут по Руси, как шальной, стал мотаться
Грузовик № 1317.

5

Поднатужились нивы в России! И вот:
По Москве он в день Первого мая,
Запыхавшись от новых неожиданных хлопот,
Октябрят полным ходом катает!
Октябрята на нем – воробьев веселей!
Не желают слезать добровольно!
И машиною, новою нянькой своей,

Октябрюта ужасно довольны!

И гудя, и шумя,

И кряхтя, и гремя,

С октябрютами нянькой решил впредь остаться

Грузовик № 1317.

4. Трамвай «А»

1

Давайте-ка устроим чистку
Средь коломбин и апашей!
Ведь наши «замы» и модистки,
Кассиры и пиш-машинистки
В любви тех будут не глупей!
Давайте же устроим чистку
Средь коломбин и апашей!

2

Она – кассирша в «Спичка-тресте»
А он – Врид-зам-пом-пом-пом-зам!
Все началось с того, что вместе,
Под вопль кондукторский «не лезьте»
Бочком пролезли все же в трам:
Она – кассирша в «Спичка-тресте»
И он – Врид-зам-пом-пом-пом-зам!

3

В своих движеньях эксцентричен
Трамвай маршрута буквы «А»!
И очутились механично
Они в объятьях романтических
От двадцать третьего толчка!
В своих движеньях эксцентричен
Трамвай маршрута буквы «А»!

4

Когда-то были купидоны]
Теперь их «замом» стал трамвай!
И перед ними благосклонно —
Через неделю по закону —
Открылся загса тихий рай...
Когда-то были купидоны,
Теперь их «замом» стал трамвай!

5

И дети их снимали кепки
Перед трамваем с буквой «А»,
И, факт рожденья помня крепко,
Махали долго вслед прицепке!
И с благодарностью всегда
Детишки их снимали кепки
Перед трамваем с буквой «А».

5. Кепка

1

Кепка! Простецкая кепка!
На миллионы голов
Влезла ты с маху! И крепко
Села цилиндрам назло!
Видел весь мир, изумленно
Ахнувши из-за угла,
Как трехсотлетней короне
Кепка по шапке дала!

2

И, набекрень съехав малость
От передряг, – во весь мах
Долго и крепко ты дралась
На разъяренных фронтах!
И, без патронов и без хлеба
Лбом защищая Москву,
Нет такой станции, где бы
Ты не валялась в тифу!

3

От Чухломы до Урала
В морду быломu житью
Это не ты ли орала
Новую Правду свою?!
И на фронтах, и на Пресне,
Мчась по столетьям в карьер,
В небо горланила песни,
Славя свой С.С.С.Р.

4

Ну-ка, вот! В той перебранке
Той небывалой порой:
От револьвера до танка
Кто не сшибался с тобой?
Но, поднатужась до пота,
Все же, к двадцатым годам,
Даже антантным дредноутам
Кепка дала по шеям!

5

Бешены были те годы!
И на всех митингах ты
С дьяволом, с богом, с природой
Спорила до хрипоты!
И, за голодных индусов
Кроя Керзона весьма,
В это же время со вкусом
Воблу жевала сама!

6

Кончились годы нахрапа!
Ты – на весь мир! И, глядишь,
Перед тобой сняли шляпы
Лондон, Берлин и Париж!
Кепка! Простецкая Кепка!
Средь мировой бедноты
Медленно, тяжело, но крепко
Ставишь свои ты посты!..

Кепка! Простецкая Кепка!
Вот что наделала ты!

6. Кирпичная песенка

1

Собою невелички,
Знай, маялись в пыли.
Кирпичики, кирпичики,
Кирпичики мои...
И господа из города
В перчаточках своих
Презрительно и гордо
Ворочались от них!..
«И долго от обидчиков
Кряхтели, как могли:
– Кирпичики, кирпичики,
Кирпичики мои...»

2

Но вот сердит стал с виду
Простой народ! И, глядь:
Обидчикам обиды
Вдруг стал припоминать!

Озлившись, в день осенний
Взъерошились штыки,
И на дворцы с гуденьем
Пошли грузовики!
И в головы обидчиков
Летали, как могли:
– Кирпичики, кирпичики,
Кирпичики мои!

3

А после всех событий
Народ к ним шасть опять:
«Кирпичики, идите
Домишки нам латать!»
И, с края и до края,
На всяческий манер
Кирпичики латают,
Кряхтя, С.С.С.Р.
Собою невелички,
Да – умницы они:
Кирпичики, кирпичики,
Кирпичики мои!..

7. Мэри Пикфорд

1

В Америке где-то
Судя по газетам,
Есть город такой – «Голливуд»...
И в городе этом,
Судя по газетам,
Лишь киноактеры живут!
И там неизменно
Пред всею вселенной
Сквозь первый в Америке взор,
Как синие птицы,
Трепещут ресницы
У маленькой Мэри Пикфорд!

2

В Париже, на Яве,
В Тимбукту, в Варшаве,
От Лос-Анжелос до Ельца
Пред маленькой Мэри

Раскрыты все двери
И настежь раскрыты сердца!..
И каждый свой вечер,
Стремясь к ней навстречу,
Следят по экранам в упор
Глаза всего света
За маленькой этой,
За маленькой Мэри Пикфорд!

3

И вечером сонным
Для всех утомленных
Своей кинофирмой дана,
Восходит багряно
На киноэкранах,
Как Солнце ночное, она!
И вьется, и мчится
По вздрогнувшим лицам
Тот первый в Америке взор!..
И сколько улыбок
На свете погибло б
Без маленькой Мэри Пикфорд?!

8. Кооп-ларек

Из пары старых досок
Родив себя, как мог,
Стоит на перекрестке
Цветной Кооп-Ларек...
В нем что угодно купишь
В два счета! Он – такой:
По виду – словно кукиш,
Но – очень деловой!
Заморские базары,
Крича издалека,
Шлют разные товары
Для этого Ларька.
Берлин, Варшава, Вена
И Ява, и Кантон
Торгуются степенно
С цветным Кооп-Ларьком!
И тут на перекрестке
От дел таких слегка
Потрескивают доски
Советского Ларька...
И вспоминают, тужась,
Как 8 лет назад
Они лежали тут же
На баррикадах в ряд!

9. Моссельпромщица №... (не знаю!)

1

Коммерчески спокоен,
В панель упрямо врос
Промышленной ногою
Лоток для папирос!
И, с жаром расширяя
Промышленность, втроем
Перед клиентом с края
Склонились над лотком:
– Прядь упрямая, плюс
Моссельпромский картуз,
А под ним – деловая
Такая
Моссельпромщица №... (не знаю!)

2

Но, кроме всяких «Пери»
И прочих папирос,

Ведь есть в СССР'е
Еще и – Наркомпрос!
И ночью, совершенно
Забыв про Моссельпром,
Над книгою толщенной
Склоняются втроем:
Прядь упрямая, плюс
Моссельпромский картуз,
А под ним – деловая
Такая
Моссельпромщица Но... (не знаю!)

3

Пожалуй, вы поймете,
Что так всю жизнь сполна
Учебе да работе
Она обречена?!
Она – не морс в стакане!
У ней кровь бьет ключом!
И часто на свиданье
Бегут стремглав втроем:
– Прядь упрямая, плюс
Моссельпромский картуз,
А под ним – деловая
Такая
Моссельпромщица Но... (не знаю!)

10. Шпага декабря

На снежной площади, собою
В полдня столетье озаря,
Среди музейного покоя
Белеет шпага Декабря...
И до сих пор еще – в печали
Она вздыхает над собой...
Ее недаром ведь ломали
Над декабристской головой!
Она восстала! И – упала!
Из ножен вырвавшись, она
Была по первому сигналу
Кивком царя побеждена!
И всласть над ней смеялись пушки,
И гроб ее оплеван был!..
Лишь Александр Сергеич Пушкин
Ее стихами окропил...
И, хоть она гремит всесветно,
Но, глядя сломанный клинок,
Нет-нет и вздрогнет чуть приметно
Ее музейный номерок...

11. Семь сестер

На Введенской до сих пор
Проживает семь сестер
Словно семь кустов жасмина:

Дора,

Люба,

Лена,

Нина,

Катя,

Таня

И еще седьмая Маня...

В каждой, как по преискуранту,

В каждой скрыто по таланту.

Нина

Играет на пианино,

Люба

Декламирует Соллогуба,

Лена —

Верлена,

А Дора —

Рабиндраната Тагора.

У Тани, у Кати

В гортани две Патти.

Катя же, кстати, немножко

И босоножка!

Но всех даровитее Маня!

Ах, Маня, талантом туманя,
К себе всех знакомые влечет!
Она лишь одна не декламирует,
Не музицирует
И не поет.

12. Триолеты в бензине

Сказал мне примус по секрету,
Что в зажигалку он влюблен.
И, рассказавши новости эту,
Впервые выданную свету,
Вздыхнул и был весьма смущен.
Но зажигалке и милее
И симпатичнее был форд.
И без любовного трофея
Из этой повести в три шеи
Был примус выброшен за борт!
Тогда, нажав на регулятор,
Взорвался примус от любви.
Так, не дождавшись результатов,
Хоть стильно, но и глуповато
Свел с фордом счета он свои!
Но, к счастью, для его хозяйки
Был не опасен этот взрыв!
Взревев, как негр из Танганайки,
Он растерял лишь только гайки,
Свою горелку сохранив.
Пусть пахнет песенка бензином.
Довольно нам любовных роз!
И примус с очень грустной миной
По всем посудным магазинам
В починку сам себя понес!

13. Воробьиные неприятности

Жил-был на свете воробей,
Московский воробьишка...
Не то, чтоб очень дуралей,
А так себе, не слишком.
Он скромн был по мере сил,
За темпами не гнался,
И у извозчичьих кобыл
Всю жизнь он столовался.
И снеди этой вот своей
Не проморгал ни разу,
И за хвостами лошадей
Следил он в оба глаза!
Хвостатый встретивши сигнал,
Он вмиг без передышки
За обе щеки уплетал
Кобылкины излишки.
Такое кушанье, оно
Не всякому подспорье.
И возразить бы можно, но
О вкусах мы не спорим.
Но вот в Москве с недавних пор,
Индустриально пылок,
Победоносный автодор
Стал притеснять кобылок!
Индустриальною порой

Кобылкам передышка!
И от превратности такой
Надулся воробьишка.
И удивленный, как никто,
Он понял, хвост понурия,
Что у кобылок и авто
Есть разница в структуре.
«Благодарю, не ожидал!
Мне кто-то гадит, ясно!»
И воробьеныш возроптал,
Нахохлившись ужасно.
«Эх, доля птичья ты моя!
Жить прямо же нет мочи!
Индустриализация —
Не нравится мне очень!»
И облетевши всю Москву,
Он с мрачностью во взгляде
Сидит часами тщетно у
Автомобиля сзади...
Мораль едва ли здесь нужна,
Но если все же нужно,
Друзья, извольте, вот она,
Ясна и прямодушна.
Немало все ж, в конце концов,
Осталось к их обиде
В Москве таких же воробьев,
Но в человеческом виде...
Мы строим домны, города,
А он брюзжит в окошко:

– Магнитострой, конечно, да!
Ну, а почем картошка?